

НАУЧНЫЙ ЭКСПЕРТ

Научный электронный журнал

ВЫПУСК
11
2008

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы науки и образования

В.И. Якунин

НАУКА И ВЛАСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ РОССИЙСКИЕ ЗАДАЧИ.....5

Е.А. Лисина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ «УТЕЧКИ МОЗГОВ»
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ.....21

Бизнес и общество

М.В. Вилисов

ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ
МОТИВАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА
В ИНТЕРЕСАХ ОБЩЕСТВА.....30

Социальная политика

А. А. Шулус

СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА.....51

Региональная политика

Т.С. Лыткина

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЕЛЬСКИХ
ЖИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....58

Истоки российской культуры

В.Э. Багдасарян

ПРАВОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА.....70

Зарубежный опыт

А.П. Сафронов

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ШВЕДСКОЙ МОДЕЛИ «БЛАГОСОСТОЯНИЯ».....72

Специальная рубрика

А.Н. Окара

В ОКРЕСТНОСТЯХ НОВОГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ, ИЛИ
ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ОБЩНОСТЬ
ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВЕЙШЕГО МИРОВОГО ПОРЯДКА.....80

Новые книги.....97

Contents.....98

В ОКРЕСТНОСТЯХ НОВОГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ, ИЛИ ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ОБЩНОСТЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВЕЙШЕГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

А. Н. Окара, кандидат юридических наук,
директор Центра Восточно-Европейских исследований

В условиях общемировой политической турбулентности, в условиях переформатирования основ мироустройства и возникновения новейшего миропорядка, в условиях рождения будущего в ускоренном режиме, цивилизационная идентичность представляется не только теоретически значимой, но и самой что ни на есть практически актуальной проблемой — как в политическом, так и в ценностном измерении.

Поскольку цивилизационные общности являются предпочтительной почвой для формирования военно-политических и геоэкономических союзов, а также средой преодоления двойных стандартов в международных отношениях, выявление их природы, максимальных возможностей и запаса прочности крайне важно для эффективного социально-политического проектирования в России, Украине, Беларуси и иных культурно близких странах.

Цивилизация как проблема, возможность и политтехнология

Глобализация умаляет значение политических институтов и форм мироустройства эпохи Большого Модерна, уменьшает роль национальных государств, глобальных идеологий, международного публичного права, ООН как системы глобальной безопасности; на первый план в международных отношениях выдвигаются государства-системы (США, ЕС, Китай), международные организации, военно-политические союзы, транснациональные корпорации.

Цивилизации, общности цивилизационно близких стран в эпоху Модерна не рассматривались в качестве реально действующих акторов, но в последние два десятилетия они обретают не только геокультурную, но и геополитическую субъектность. Ситуация взаимодействия (войны, столкновения, конкуренции, сотрудничества, кооперации) цивилизаций в последнее время в социогуманитарных науках стала рассматриваться как продуктивная альтернатива марксистскому стадийному анализу, способная не только эффективно описывать текущие процессы мировой политики, но и генерировать новые универсальные «миростроительные» схемы.

Россия, Украина, Беларусь и иные культурно близкие страны в настоящий момент находятся на модернизационном разноморожье — пребывают в состоянии поиска своего места в мире настоящего и будущего, поэтому актуальность цивилизационного самоосознания для них крайне велика.

Ниже мы попытаемся комплексно проанализировать особенности стран восточнохристианского ареала и смоделировать варианты перспективного развития в условиях глобальной социально-политической турбулентности. Для этого необходимо: выявить актуальный дискурс цивилизационной идентичности в современном культурно-политическом сознании и социо-гуманитарных науках, описать географический ареал распространения и конституирующие признаки восточнохристианской цивилизации, определить люфт возможностей и пределы осуществления модернизационных и постмодернизационных проектов, определить конкурентные преимущества и слабые стороны цивилизационной общности, описать ее ресурсы «мягкой власти», смоделировать актуальные геополитические и геоэкономические проекции восточнохристианской цивилизационной идентичности.

Разумеется, подобного рода исследования особо нуждаются в максимальном освобождении от культурных, идеологических, этнических, религиозно-конфессиональных, мифогенных, мессианских, утопических пристрастий самих исследователей, поскольку в этом случае аналитический дискурс рискует оказаться заложником апологетики либо уничижительной критики.

Цивилизационная проблематика остро нуждается в переведении из категории мировоззренческого и догматического знания в категорию знания социально-теоретического и проектного.

Это тем более актуально, что цивилизационная проблематика и идентичность на постсоветском пространстве часто рассматриваются заинтересованными субъектами в качестве политтехнологии, формы идеологической легитимации того или иного политического актора, «прикрытием» продвижения тех или иных интересов. При этом сама цивилизационная идентичность рассматривается в качестве средства, а не цели и содержания деятельности. В ряде случаев это приводит к обратному эффекту и ослабляет солидарность внутри цивилизационных сообществ, маргинализирует сам цивилизационный дискурс. Нередко представители Беларуси, Украины и Грузии обвиняют Россию, представители Македонии — Болгарию, Сербию и Грецию, представители Черногории — Сербию, представители Молдовы — Румынию и Россию в попытках под видом развития цивилизационной идентичности осуществлять культурную экспансию, продвигать и отстаивать сугубо этнокультурные, геополитические или даже экономические интересы. Когда подобные обвинения обоснованы, когда нет, — отдельный вопрос, однако очевидно, что цивилизационные ценности шире и универсальнее ценностей этнокультурных.

Дискурс цивилизационной идентичности в современном сознании и социо-гуманитарных науках

Цивилизации являются более устойчивыми ассоциациями, чем империи, национальные государства и культурно-языковые общности. Цивилизацию можно рассматривать как самый высокий уровень культурно-ценностной консолидации, однако необходимо отметить, что цивилизация — это не застывший во времени «культурно-исторический тип», а живой процесс. В современных социо-гуманитарных науках нет универсального понимания этого феномена и определения, способного удовлетворить хотя бы половину исследователей. Ш. Эйзенштадт определяет цивилизацию как историческую серию попыток сконструировать общественную жизнь в соответствии с онтологическим видением, которое соединяет концептуальные представления о космосе, поту- и посясторонней реальности, с регуляцией основных сфер общественной жизни и взаимодействия между политикой, авторитетом, экономикой, семейной жизнью⁵⁴.

Каждая традиционная цивилизация обладает «сакральной вертикалью» — религиозными или идеологическими представлениями, соотносящими культурную, геополитическую и социальную практику с Абсолютом, с высшей трансцендентной реальностью⁵⁵.

Сложнее ситуация с западной цивилизацией. Эпоха Большого Модерна, отсчитывать которую можно с XV–XVII веков, заменила Абсолют Разумом как высшей ценностью, что, в свою очередь, привело если не к уничтожению, то к размыванию «сакральной вертикали». В результате в контексте западной цивилизации религиозные ценности утратили свое трансцендентное измерение, а сугубо секулярные ценности свободы, демократии, защиты частной собственности, верховенства права, разделения властей, прав человека и т.д. приобрели универсальный характер и почти религиозный статус.

Тем не менее кризис Большого Модерна и его ценностей ведет к поиску «сакральных вертикалей», что, в свою очередь, и пробуждает цивилизационные идентичности и рефлексии по этому поводу. С. Хантингтон говорит о восьми цивилизациях в современном мире: синской (китайской), японской, индуистской, исламской, православной, западной, латиноамериканской и африканской цивилизациях⁵⁶. При определенной сомнительности такого деления, его достоинством является понимание восточнохристианской цивилизации как отдельной и самостоятельной общности, а не как субцивилизации единой Европы.

Следует подчеркнуть, что говорить о «православной» цивилизации не совсем точно по двум причинам. Во-первых, не все восточные христиане являются православными: абсолютное большинство армян — монофизиты, часть украинцев-

⁵⁴ Цит. по: Капустин Б. «Цивилизация» как идеологический конструкт // *Русский Журнал*. 2008. № 3, осень. С. 148.

⁵⁵ Цымбурский В.Л. *Народы между цивилизациями* // Цымбурский В.Л. *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006*. С. 212; Ильин М.В. *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий*. М., 1997.

⁵⁶ Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М., 2003. С. 54–60.

галичан и румын — греко-католики, часть великорусов — старообрядцы, однако все они принадлежат к восточнохристианскому культурному и цивилизационному ареалу. В свою очередь, принадлежность к нему белорусов-католиков вызывает сомнения. Во-вторых, принадлежащие к этой традиции страны являются секулярными, «сакральная вертикаль», соотносящая социально-политическую практику с трансцендентной реальностью, в них всё-таки надломлена, церковь отделена от государства и не играет определяющей или даже сколь-нибудь заметной роли в жизни обществ (за исключением Греции), поэтому точнее было бы говорить не о «православном», а о «пост-православном» сообществе. Оптимальным и корректным представляется определение цивилизационной общности как «восточнохристианской» или «восточноевропейской».

В социо-гуманитарной науке и публицистике существует несколько различных подходов к интерпретации цивилизационной идентичности России. Ряд авторов считает Россию государством-цивилизацией, подобным Китаю, Индии и Японии, и ведут речь о «российской» либо «русской» цивилизации. Иные, не отождествляющие цивилизационную общность и страну, говорят о «православной», «славяно-православной», «советской», «восточнославянской», «евразийской» цивилизациях, о «русском мире». Однако в этих случаях за критерий берутся отдельные признаки — конфессиональный, этнокультурный, языковой, геополитический.

Принципиально важным является вопрос о месте СССР в истории развития восточнохристианской цивилизации.

Советский Союз, политический и геополитический продолжатель Российской империи, можно определить шпенглеровским термином «псевдоморфоза» восточнохристианской цивилизации, под которым понимается несовпадение внешней культурной формы и ее глубинного содержания. Октябрьскую революцию 1917 года и установившийся после нее большевистский режим допустимо интерпретировать как аналог западной Реформации. В новом коммунистическом культе в «перевернутом» виде воспроизводились основные христианские ритуалы, эсхатологизм и мессианство Третьего Интернационала вполне сравнимы с третьеримским. Примечательно, что после Второй мировой войны Советский Союз целенаправленно включил в орбиту своего геополитического и идеологического влияния, в «социалистический блок», все страны восточнохристианского ареала, за исключением Греции и Кипра, включить которые не удалось по стечению ряда политических обстоятельств.

В общемировом контексте тема цивилизационной идентичности, концептуализированная Хантингтоном как «столкновение цивилизаций», фактически была использована США для легитимации собственного статуса как «единственной мировой сверхдержавы». Трагедия с террористической атакой на ВТЦ 11 сентября 2001 года, интерпретированная сквозь призму этой концепции, стала политическим основанием для американских «контртеррористических» операций в любой точке Земли, для войн США в Афганистане и Ираке, а также для

повышения привлекательности западной цивилизации и вовлечения постсоветских и посткоммунистических стран в орбиту американского влияния. По большому счету, концепцию Хантингтона в вульгаризированном виде, растиражированную в общемировом информационном пространстве, можно рассматривать как часть американской «мягкой власти», как пропагандистскую спецоперацию, как эффективный «мыслевирус», засоривший мозги многим отечественным исследователям и публицистам. Один из главных идеологически мотивированных «подлогов» Хантингтона — это предельный западоцентризм, узурпация Западом морально-нравственного и социально-политического содержания современности.

Россию в современных границах (Российскую Федерацию) в цивилизационном отношении следует рассматривать как одну из ключевых стран и одно из ядер восточнохристианской цивилизации, в которой имеются вкрапления исламской и буддийской цивилизаций, а также территории с неустойчивой восточнохристианской идентичностью (Сибирь и Дальний Восток).

Восточнохристианский цивилизационный ареал

Границы цивилизаций, как и границы государств, изменчивы во времени. Однако, в отличие от государственных границ, цивилизационные расплывчатые и не имеют строгих очертаний. Цивилизационные ядра и территории с устойчивой цивилизационной идентичностью окружены лимесами (цивилизационными окраинами) и лимитрофами (межцивилизационными пространствами), в современном глобализующемся мире в условиях нового великого переселения народов представители самых разных цивилизаций могут проживать совместно на одной территории длительное время и сохранять свойственные им этнокультурную, цивилизационную и даже языковую идентичности.

Представляется, что по состоянию на настоящий момент пространство восточнохристианской цивилизационной общности состоит из территорий современных независимых государств, в которых восточное христианство исповедуется подавляющим большинством населения и исторически является основой национальной или государственной идентичности. К таковым относятся: Армения, Беларусь, Болгария, Греция, Грузия, Кипр, Македония, Молдавия, Россия, Румыния, Сербия, Украина, Черногория.

Окраинами восточнохристианского цивилизационного ареала можно считать восточнохристианскую коптскую Эфиопию, а также страны со значительными и устойчивыми, но не доминирующими группами восточных христиан. Единственной относительно влиятельной международной организацией, объединяющей страны на основе восточнохристианской цивилизационной идентичности, является Европейская межпарламентская ассамблея Православия со штаб-квартирой в Афинах, постоянными членами секретариата которой являются Греция и Россия, а генеральным секретарем — исключительно представитель Греции. За время ее существования (с 1994 года) ее членами были представители парламентов

Австралии, Албании, Армении, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Греции, Грузии, Иордании, Казахстана, Кипра, Латвии, Литвы, Молдавии, Палестины, Польши, России, Румынии, Словакии, США, Уганды, Украины, Финляндии, Чехии, Эстонии.

«Осевыми» (по Тойнби) или «стержневыми» (по Хантингтону) государствами, «ядрами» восточнохристианской цивилизации в современном мире следует считать Грецию, Россию и Украину.

Грецию — как непосредственную наследницу Византийской империи, как носительницу греческого языка, греческой культуры и греческой этнокультурной идентичности, как своеобразный эталон православия.

Россию — как преемницу Византии и единственное независимое православное государство на протяжении нескольких веков, как современную страну православной культурной традиции, претендующую на статус сверхдержавы.

Украину — как центр наиболее значительной рецепции православного христианства в средневековом мире, как прямую наследницу Древней Киевской Руси, как самую большую в современном мире страну по количеству православных верующих с высокой интенсивностью религиозной жизни.

До середины XV века единственным «осевым» государством, митрополией православного мира являлась Византия. Ее падение в 1453 году завершило эпоху, когда православный мир был мощнейшим генератором культурных влияний и цивилизационных импульсов.

Ареал распространения восточнохристианской цивилизации можно обобщенно именовать Восточной Европой — в противовес Западной и Центральной Европе. Во время холодной войны деление Европы на Западную и Восточную происходило по политико-идеологическому принципу: капиталистический Запад — это зона американской оккупации во время Второй мировой войны и последующего приоритетного влияния США, блок капиталистических стран и НАТО, социалистический Восток — это зона советской оккупации, блок социалистических стран и Варшавский договор.

После распада соцлагеря, после исчезновения СССР, деидеологизации и окончания холодной войны стало очевидно, что идентичность на европейском континенте должна выстраиваться по иным основаниям — цивилизационным. В частности, Западной Европой уместно именовать романо-германские и англосаксонские страны, для которых историческими религиями являются католичество и протестантизм (к этой общности уместно также причислить Финляндию, но неуместно причислять евроинтегрированных Грецию и Кипр). Центральную Европу в таком случае следует определить как лимес Европы Западной — как страны западнохристианского ареала, но не романо-германские и не англосаксонские (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Хорватия, а также Эстония, Латвия и Литва; с большой натяжкой сюда можно отнести и преимущественно исламские Албанию и Боснию и Герцеговину). Восточная Европа

в таком случае — это не социалистическая Европа Варшавского договора, а Европа восточнохристианской традиции.

Модернизация, демодернизация, постмодернизация в условиях восточнохристианской цивилизационной общности

Россия, Украина, Беларусь и некоторые другие страны, в которых православная культурная и религиозная традиции являются доминирующими и определяющими, после исчезновения СССР и закрытия советского модернизационного проекта в начале 1990-х при наличии мощного «вызова» Запада встали на путь вестернизации. Однако, поскольку вестернизация, облаченная в концептуальную оболочку постмодерна, сопровождалась очевидной демодернизацией этих стран и архаизацией обществ, в условиях усиления политической турбулентности и ломки мирового порядка, встал вопрос о необходимости поиска альтернативных форм социального проектирования и развития.

Существующий в настоящее время арсенал социального проектирования позволяет производить модернизацию общества на более мягких и тонко подобранных концептуальных основаниях. Если в индустриальную эпоху модернизация означала ломку жизненного уклада и традиционных ценностей, социальную мобилизацию, насильственную урбанизацию, сильный общественный стресс, репрессии против недовольных и прочие «прелести», пережитые советскими гражданами в 1920–1930-х годах, то при нынешних технологических возможностях, существующих в постиндустриальном информационном обществе, практически любые социальные трансформации возможны без массового социального насилия со стороны субъекта модернизации.

Современная социальная теория предлагает незападному обществу три варианта ответа на «вызов» Запада: вестернизацию, догоняющую модель развития (в том числе неомодернизацию как ее разновидность) и постмодернизацию как развитие на основе собственной идентичности⁵⁷. Последний вариант на первый взгляд выглядит крайне привлекательно, ибо предполагает фактически «модернизацию-без-вестернизации». Однако в реальности эта теория, пропагандирующая гибкое сочетание ценностей традиционного и модернизированного обществ, как правило, не обладает высоким модернизационным потенциалом, но способна подменять смыслы и потому является своего рода когнитивным оружием в глобальной конкуренции. Дж. Александер пишет: «В теории постмодерна интеллектуалы представили себе и обществу свободу своего ответа на поражение героических утопий радикального социального движения, ответ, в котором распознается поражение»⁵⁸.

⁵⁷ Федотова В.Г. *Хорошее общество*. М., 2005. С. 153–212.

⁵⁸ Alexander J.C. *Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the «New Word» of «Our Time»* // *Zeitschrift für Soziologie*. 1994. Jg. 23. Heft 3. S. 182.

Западу не нужны ни российские ученые, ни украинские инженеры, ни белорусские программисты. Точнее, нужны, но исключительно в качестве трудовых мигрантов — дешевой высококвалифицированной рабочей силы. В условиях глобальной конкуренции вызов Запада заключается еще и в том, что он всеми возможными способами стремится не создавать и нейтрализовать имеющихся конкурентов. В ход идет весь арсенал политических, экономических и когнитивных средств. Например, ухудшение на постсоветском пространстве уровня среднего и высшего образования при помощи внедрения стандартов Болонской системы, замена экзаменов тестами, «экспорт» западной гедонистической модели досуга и массовой культуры без «укомплектования» их соответствующей трудовой этикой, навязывание при помощи грантовой системы определенных научных стандартов и «вирусных» теорий в гуманитарных науках и т. д. — всё это инструменты демодернизации. Но главный и самый эффективный инструмент — это навязывание при помощи лоббирования и информационных технологий той или иной схемы и стратегии модернизации, а также кредитов некоторых международных банков под определяемые кредиторами условия.

Совершенно точно указывает В.Г. Федотова, что в 1990-е годы мы стали догонять Запад эпохи первоначального накопления, тогда как Запад уже завершил этап перехода к постиндустриальному развитию. И архаизация в России происходит после того, как она прошла процесс индустриализации⁵⁹.

Представляется, что в нынешних условиях ответ на глобальный «вызов» Запада можно дать лишь при сочетании инструментального и ценностного подходов. Инструментальный предполагает, что в современных условиях копирование какой-либо привлекательной модернизационной модели развития контрпродуктивно: скажем, в России и других цивилизационно близких странах для успеха «китайской перестройки» не хватает самого малого — китайцев; для повторения «японского чуда» — не хватает японцев. Поэтому необходим не выбор «правильной» модели, а эффективный менеджмент трансформаций и инноваций.

Ценностный подход означает, что в нынешних условиях актуален не грамотный ответ на «вызов» Запада, а создание собственного глобального вызова. Иначе говоря, создание собственного универсального миростроительного проекта.

Востонохристианская антропология как предпосылка новой социальности

Важнейшим достоянием восточнохристианской цивилизации и национальных культур, входящих в нее народов, является представления о человеке, его природе, возможностях, жизненных задачах, посмертном существовании, а также о месте в Универсуме и обществе.

Главные различия между восточнохристианской и западнохристианской цивилизациями начинаются именно с антропологических установок — с представлений о смысле жизни и смерти, грехе, спасении, преображении, должном

⁵⁹ Федотова В.Г. Указ. соч. С. 226.

и недолжном, о труде и посмертном воздаянии, из чего, в свою очередь, вытекают представления о церкви, обществе, государстве и конце света.

Так, центральным в православной антропологии и сотериологии может служить представление об обожении, теозисе — отцы восточной церкви говорят об изначальной предназначенности человеческой природы к обожению, к стяжанию божественных энергий, к единению с Творцом на энергийном уровне⁶⁰. Эта идея рассматривается как центральная в религиозной жизни христианского Востока — именно вокруг нее вращаются все вопросы догматики, этики, мистики⁶¹.

В основе православной антропологии лежит представление о возможности стяжания человеком божественных энергий и о единении с Господом на энергийном уровне, полнее всего раскрывшееся в исихазме, о выходе за пределы повседневности, о реальности трансцендентного опыта.

«Идеальный человек» в православии — это человек, взятый в некоем трансцендентном масштабе, человек, стремящийся к обожению и преображению, человек, выходящий за онтологические и антропологические пределы, человек-абсолют.

Характерно, что в православной этике подобный антропологический максимализм фактически рассматривается как норма существования, а не как экстремальная жизненная стратегия для ограниченного круга духовных подвижников.

Секуляризация, начиная с XVIII века, постепенно уменьшала значимость религиозных антропологических представлений для стран восточнохристианского мира, однако типологически близкие модели «прорастают» уже в светской культуре — скажем, классическую русскую литературу XIX и даже отчасти XX века можно рассматривать как специфическую форму духовной практики, некоторые исследователи обнаруживают в основании ее смыслов архетипы соборности и пасхальности⁶². Примечательно, что ее типический положительный герой — не деятель, а созерцатель.

Совершенно иные антропологические представления просматриваются в фундаменте западноевропейской культуры — в контексте католической, а позже и протестантской доктрин «идеальный человек» по большому счету лишен подобных максималистских интенций⁶³. Трансценденция рассматривается как удел немногих избранных, «идеальный человек» ограничен определенными онтологическими рамками и сосредоточен на проблеме спасения и искупления, то есть на проблеме земного существования, а не жизни вечной — проблемы обожения для него не существует. Примечательно, что только в православии существует феномен юродства, в католичестве его нет, а в протестантизме вообще отсутствует почитание святых.

⁶⁰ Живов В.М. *Святость. Краткий словарь агиографических терминов*. М., 1994. С. 70–72.

⁶¹ Попов И.В. *Идея обожения в древневосточной церкви*. М., 1909. С. 51.

⁶² См., например: Есаулов И.А. *Категория соборности в русской литературе*.

Петрозаводск, 1995; Он же. Пасхальность русской словесности. М., 2004.

⁶³ См.: Карсавин Л.П. *Католичество. Откровения блаженной Анджелы*. Томск, 1997.

Разумеется, в западноевропейской культуре еще во времена Ренессанса появляется образ «максимального человека», который позже развивается в алхимических и мистических учениях, в масонстве, у романтиков, у Гете, Гегеля, Ницше, Хайдеггера, Генона.

Это культурные феномены создали ткань западноевропейской культуры, но с точки зрения влияния на общественное развитие это были, в целом, не магистральные, а маргинальные течения. Ткань западноевропейской социальности создали иные мыслители — Августин, Фома Аквинский, Декарт, Гоббс, Локк, Адам Смит, Кант, Поппер, фон Хайек. Мейнстримом Запада стало представление о «минимальном человеке» — «человеке юридическом», «человеке экономическом», «человеке физиологическом».

В основе католической модели бытия лежит трехчастное представление о Рае-Чистилище-Аде, в основе православной есть только Ад и Рай — никакого Чистилища. Поэтому и в восточнохристианской социальной этике наблюдаются проблемы с формулировкой представлений об этически нейтральном локусе — проекции Чистилища. Согласно католическим догматам, в Чистилище в очистительном огне горят души «минимальных людей» — грешников, не получивших прощения, но и не отягощенных смертными грехами.

В современном мире прежняя модель человека, созданная в недрах западной культуры, терпит глубокий экзистенциальный и когнитивный кризис, кризис и по отношению к духу, и по отношению к душе. Западная цивилизация способна быть генератором новых промышленных технологий и научных открытий, но уже, по всей видимости, исчерпала свои возможности по генерированию новых смыслов существования человека, новых антропологических представлений.

Не случайно сейчас многие духовно углубленные европейцы и американцы, разочаровавшись в своем варианте западного христианства, ищут себя в иных религиозных традициях — в буддизме, индуизме, исламе, зороастризме, православии, в неосинтетических культах, в Кабале. В подобной ситуации православная «максималистская антропология» получает шанс быть затребованной как концептуальная, мировоззренческая, ценностная основа для универсального проекта «нового гуманизма», для строительства новой одухотворенной Вселенной.

По крайней мере такая востребованность распространяется хотя бы в масштабе восточнохристианского цивилизационного ареала.

«Soft Power» восточнохристианской цивилизационной общности

Любая большая общность, в том числе цивилизационная, конструируется прежде всего на когнитивном уровне — на основе общих ценностей, идей, идеалов, представлений, символов, сакральных объектов и текстов, моделей поведения, образа жизни и т.д. В результате совокупность этих смыслов становится основой «мягкой власти» — «Soft Power».

«Мягкая власть» какой-либо страны, согласно гипотезе Дж. Ная-младшего, строится на основе сочетания трех основных компонентов: культуры, политических ценностей, уровня влияния на внешнюю политику⁶⁴ и заключается в оказании воздействия на иные страны при помощи ресурса собственной привлекательности. Однако, когда речь идет не об отдельно взятом национальном государстве, а о сообществе стран, имеющих общую цивилизационную природу, потенциал «мягкой власти» должен уточняться, поскольку совокупный ресурс всего сообщества практически не может быть равен сумме ресурсов отдельно взятых стран. Как правило, происходит либо «мультипликационный» резонирующий эффект, как это произошло в свое время с Западом, либо энтропия и рассеивание потенциала.

Проблема России и других цивилизационно близких стран заключается в том, что, обладая предпосылками для высокого уровня «мягкой власти», необходимость этого ресурса практически никогда не была осмыслена национальными элитами на концептуальном уровне и не превратилась в реальную проектную задачу или программу относительно внятных действий. Именно истощением ресурса «мягкой власти» Дж. Най поясняет крах СССР в 1991 году.

Кроме того, на протяжении XVIII — начала XX века субъектом генерирования ресурса «мягкой власти» была отдельно взятая Российская империя (в которую, правда, входило большинство православных народов), а не сообщество цивилизационно близких стран (многие из которых обрели независимость и освободились от турецкого гнета именно благодаря ей), в XX веке субъектом стал СССР, несмотря даже на то, что формально он позиционировался как атеистическое государство, защищающее не восточнохристианские, а коммунистические ценности. Моносубъектность подобного развития стала препятствием на пути кооперации усилий, интересов и возможностей стран восточнохристианского ареала в постсоветскую эпоху, поскольку и в Российской империи, и в Советском Союзе на первом месте был имперский уровень идентичности, а цивилизационный уровень не воспринимался как что-то особо ценное и универсальное (за некоторыми исключениями — например, за исключением «греческого» проекта Екатерины II или российско-турецких войн второй половины XIX века).

Если СССР манифестировал собственные идеологические и политические ценности как универсальные, обладающие потенциальной актуальностью для любой страны и всего человечества в целом, то после его распада страны постсоветского и посткоммунистического мира, имеющие восточнохристианскую цивилизационную идентичность, не рассматривают себя в качестве генераторов каких-либо универсальных, общезначимых проектов или импульсов и, за редкими исключениями (например, противостояние по поводу Косово), не демонстрируют никакой цивилизационной солидарности. На постсоветском пространстве достаточно силен информационный, идеологический и даже геополитический

⁶⁴ *Най Дж.С.* Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, 2006. С. 36–37.

антагонизм между Россией, Украиной, Грузией и Молдавией (Беларуси и Армении удалось уклониться от подобного противостояния).

На первый план вышло самоосознание себя в качестве национальных государств с присущей подобному формату проблематикой «национальных интересов» и доминированием реальных интересов властных корпораций. При этом Россия пыталась использовать ресурс собственной привлекательности на постсоветском пространстве в формате СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ и Союза России и Беларуси, а альтернативный проект выстраивался как геополитический лимитроф вокруг России в формате ГУУАМ на базе альянса Украины и Грузии. Однако на концептуальном уровне эти проекты апеллировали либо к ресурсам вчерашнего дня: либо к советским образам и ценностям, либо к ценностям западной демократии — восточнохристианская цивилизационная идентичность в них практически не играла никакой роли.

В подобном контексте восточнохристианский мир на первый взгляд вообще лишается каких бы то ни было признаков привлекательности, интенций самодостаточного развития и обрекается на вечную маргинальность и догоняющее развитие, ведущее к поверхностной вестернизации и демодернизации.

Тем не менее, как представляется, восточнохристианский мир обладает массой привлекательных свойств, признаков и ресурсов, понимаемых в качестве локальных. Однако в нынешних условиях мирового социально-политического транзита некоторые из них способны обрести статус универсальных и глобальных. Если не для всего человечества, то, по крайней мере, для западнохристианской цивилизации как наиболее близкой и переживающей в настоящий момент кризис привычных ценностей.

Ресурсом «мягкой власти» вряд ли сможет стать какой-либо сугубо политический проект, за исключением разве что распространения ценностей нравственной политики и нравственной экономики, что на данный момент может восприниматься лишь в качестве деклараций. Но для «внутреннего» потребления могут стать актуальными ценности православной социальной доктрины — представление о миссии «катехона», о «тысячелетнем царстве», представление о симфонии светской и духовной властей, гармония «двух градов».

А вот ценности понимания человеческой природы и ее возможных перспектив, ценности антропологического максимализма и нового гуманизма, новой человеческой солидарности, новой социальности, представления о «высшей правде» и «всечеловечности», присутствующие в культурах православных стран, могут стать актуальным ресурсом привлекательности восточнохристианского мира, а также оказаться востребованными в новом глобальном миростроительном проектировании.

На современном этапе развития человечества, связанном с ростом ценности нематериальных активов — образов, текстов, символов, мифов, всё больше распространяется представление о том, что теперь будущее можно создать — спроектировать и воплотить скоординированными усилиями относительно

немногочисленного «креативного класса». Однако следует заметить, что в условиях нынешней турбулентности и глобальной конкуренции это возможно лишь в том случае, если определяющими признаками этого класса в целом и его отдельных представителей будет субъектность и амбициозность. В противном случае будущее «за них» создадут другие люди — представители иных народов и цивилизаций. Поэтому успешных строителей нового будущего правильнее было бы определить как «амбициозный креативный класс». Создание таких людей — воспитание, обучение и продвижение на эффективные позиции в социальной структуре становится крайне актуальной задачей. Ну а сами технологии «мягкой власти» приобретают исключительное значение «строительного материала» нового мира.

Обретение субъектности и поиск нового миростроительного проекта

Показателем универсальности цивилизационной идеи служит востребованность ее ценностей на общечеловеческом уровне. Восточнохристианская цивилизация обладает всеми предпосылками для того, чтобы генерировать собственные универсальные миростроительные проекты, которые могут быть востребованы как на глобальном, так и на локальных уровнях. Ее жизнеспособность зависит от креативного потенциала и способности генерировать инновации в масштабе всей мир-системы, а не быть лишь реципиентом. Обретение субъектности восточнохристианской цивилизационной общностью имеет два измерения: геополитическое и геокультурное.

Геополитическое предполагает создание геополитической «проекции» цивилизационной общности в формате военно-политического или экономического союза — своеобразного «Поствизантийского Содружества Наций» (термин Д. Оболенского).

Однако сегодняшнее состояние цивилизационной идентичности и солидарности стран восточнохристианского ареала исключает создание геополитического блока или геоэкономического союза в обозримой перспективе. На сегодняшний день восточнохристианская цивилизационная идентичность не является достаточным и эффективным основанием для столь серьезного реформирования политического ландшафта Восточной Европы, к нему не готовы не только интегрированные в западные структуры Греция, Кипр, Болгария и Румыния, не только взявшие курс на подобную интеграцию Украина, Грузия, Черногория, Сербия, Россия, но даже Россия, Беларусь, Армения и Молдавия.

В существующих условиях более актуально установление двусторонних и трехсторонних отношений между этими странами, актуализация в общественном сознании и в сознании элитных групп цивилизационной проблематики, научные и философские исследования, а также переход из рефлексивной стадии в креативную.

Геокультурное измерение восточнохристианской общности предполагает формулирование, конструирование и раскрутку универсального сверх-

модернизационного миростроительного проекта, соизмеримого по масштабу с проектом Большого Модерна или коммунизма как стратегии альтернативной модернизации. И уникальность этого проекта может заключаться в специфической новой антропологии, в новой онтологии, в попытках формулировать новый дискурс социальности.

В свое время Византийская империя, первое воплощение восточнохристианской цивилизации, достаточно длительное время была генератором социального и культурного развития в Европе. Россия же и иные цивилизационно близкие страны на протяжении последних трех с половиной веков сосуществовали с Западом в реактивном формате: западный вызов — восточный ответ. Подобная схема свидетельствует о проблемах с субъектностью у восточнохристианской общности. Однако нынешнее состояние глобальной турбулентности дает возможность, условно говоря, последним оказаться первыми. Но это зависит именно от уровня солидаризации восточнохристианских обществ, от субъектности «амбициозного креативного класса». Ну и если подобную надежду на преобразование социальности мотивировать не только характерными для Запада рациональными доводами, но и аргументами, характерными для незападных обществ, то необходимым условием успеха этих трансформаций перед вызовами новейшего мирового порядка несомненно является воля Провидения.

SWOT-анализ восточнохристианской цивилизации

Попробуем рассмотреть восточнохристианскую цивилизационную общность при помощи SWOT-анализа — анализа имеющихся силы, слабости, возможностей и угроз.

Сила (Strength)

Наличие в истории успешных и конкурентоспособных для своего времени государств (Византийская империя, Древнерусское государство, Болгарское царство, Российская империя, СССР).

Культурное, духовное, религиозное, государственностроительное, правовое наследие Византийской империи.

Социально-политическое наследие СССР.

Миростроительная субъектность Византии и Древней Руси — в исторической ретроспективе они и некоторые другие православные средневековые государства были мощными генераторами культурных импульсов в масштабе всей средневековой Европы.

Наличие сакральных ценностных ориентиров (представления о Москве как Третьем Риме, о Киеве как Втором Иерусалиме, о Святой Руси, о Катехоне, о миссии православного царства в «последние времена» и т.д.).

Наличие разработанных и актуальных в культурной памяти эсхатологических представлений.

Наличие оригинальных национальных политических культур различных типов (русской, украинской, белорусской, сербской, греческой и др.) с широким диапазоном ценностных установок, представлений, стереотипов поведения, механизмов управления.

Наличие богатого культурного наследия, признанного Западом и изучаемого иными цивилизациями.

Расовая гомогенность восточных христиан, относящихся к индоевропейской расе и языковой семье, за исключением грузин, представителей большинства православных неславянских народов России — чувашей, татары-крышенов, вепсов, карелов, удмуртов, молдавских гагаузов, а также православных арабов и эфиопов-коптов.

Относительно высокий уровень религиозности в православных странах на данный момент.

Слабость (Weakness).

Конфессиональная и цивилизационная разделенность славянского мира. Наличие в историческом прошлом опыта религиозных войн между различными славянскими народами и странами.

Наличие опыта вооруженных конфликтов между православными странами.

Конфликты по поводу этнокультурной идентичности между родственными православными народами (великорусско-украинско-белорусский, болгаро-македонский, сербо-черногорский, румыно-молдавский).

Отсутствие внутрицивилизационной геополитической, идеологической и ценностной консолидации, низкий уровень цивилизационной солидарности.

Отсутствие привлекательной и эффективной этики международных отношений, практика неисполнения международных договоров и договоренностей, распространенный образ православной страны как ненадежного союзника.

Отсутствие большого постиндустриального миростроительного проекта по состоянию на сегодняшний день.

Отсутствие успешной и конкурентоспособной в современных условиях социальной этики.

Отсутствие консолидированного субъекта, отсутствие интегративного геокультурного образа (подобного образу «Запада» в западнохристианской цивилизации).

Низкая комплементарность русской и украинской политических культур, препятствующая появлению консолидированного геополитического и геоэкономического мегасубъекта в Восточной Европе.

Неразвитость представлений о самодостаточности, уникальности, неповторимости, эксклюзивности восточнохристианской цивилизационной идентичности, распространение представлений о цивилизационной ущербности и «недоевропейскости» православных стран.

Стереотипные представления о том, что источники развития находятся исключительно в среде западнохристианской цивилизации.

Различные геополитические и геокультурные приоритеты у разных стран восточнохристианской традиции (Греция, Болгария и Румыния являются членами НАТО и ЕС, Украина, Грузия, Черногория стремятся к интеграции в эти структуры).

Слабость миссионерской деятельности православных церквей в настоящее время, недостаточное использование языка современной культуры и арсенала современных информационных средств (по сравнению с католической церковью и протестантскими церквями и сектами).

Непризнанность восточнохристианской цивилизации Западом в качестве равного контрагента на всем протяжении ее существования. Использование Западом этики двойных стандартов по отношению к странам восточнохристианского ареала. Ни одна из этих стран не является частью «Золотого миллиарда», ни одна из элит этих стран не интегрирована в мировую элиту (за исключением отдельных «элитариев» и «нуворишей»).

Возможности (Opportunities).

Географическое положение и геоэкономические показатели позволяют выстраивать эффективные проекты с участием различных стран восточнохристианского ареала.

Относительная географическая компактность восточнохристианского мира — все входящие в него страны имеют общие границы между собой.

На восточнохристианской культурной основе возможно формирование принципиально новой максималистской антропологии, которая, в свою очередь, может стать предпосылкой для поисков и создания нового мирового универсального миростроительного проекта.

Наличие разработанного в богословии отцов восточной церкви учения об обожении как синергии (со-творчестве) Бога и человека и соответствующих духовных практик (исихазм), наличие апофатической гносеологии (постижение Бога через то, чем Он не является) и синергии методологии по отношению к вопросам свободы и благодати.

Общепланетарная известность и раскрутка бренда русской классической литературы и русской культуры. Избирательная известность некоторых произведений и феноменов украинской, сербской, болгарской, румынской, армянской, современной греческой культур.

Возможность и необходимость формирования адекватного позитивного «инструментального» отношения к ценностям Модерна (как путем их переосмысления в восточнохристианском цивилизационном контексте, так и путем отыскания их аналогов и прототипов в византийской и древнерусской исторической ретроспективе).

Возросший интерес к православию, православному богословию и религиозной культуре в западнохристианском мире в среде интеллектуальной элиты.

Угрозы (Threats).

Несоразмерность ресурсов и несоизмеримость потенциалов России и остальных стран восточнохристианской общности, из-за чего партнерство с Россией во многих странах рассматривается изначально как угроза собственному политическому и культурному суверенитету.

Различный политический «темперамент» и уровень амбиций России и остальных стран восточнохристианской общности. Наличие специфической российской политической культуры, которая препятствует созданию эффективных геополитических и геоэкономических союзов на паритетной основе.

Российско-грузинский вооруженный конфликт августа 2008 года между двумя православными странами, имеющими также свои православные поместные церкви и своих патриархов, стал сильным ударом по самой идее выстраивания серьезных геополитических и геоэкономических проектов на основе цивилизационной идентичности.

Планомерная интеграция стран восточнохристианского ареала в политические структуры Запада и его сферу влияния.

Отсутствие в контексте восточноевропейской цивилизационной общности по состоянию на начало XXI века ценностей и когнитивных конструкций, симметричных западным.

Неадекватное представление о православном христианстве и культуре стран восточнохристианского ареала на Западе (в частности, представления о православном цезарепапизме, об «обрядоверии», об отсутствии «логоса» в богословии и философии).

Стереотипное восприятие в российском общественном сознании России как государства-цивилизации, что умаляет цивилизационную солидарность.

Государство-корпорация как вызов для развития цивилизационной солидарности.

Усиление восточнохристианской цивилизационной идентичности в России может уменьшить лояльность неправославных народов Москве.

Сравнительно низкий уровень жизни в странах восточнохристианской общности, непривлекательность постсоветского образа жизни.

CONTENTS

Problems of science and education

V.I. Yakunin, Doct. Sci., president of "Russia Railroad" Company
AUTHORITIES AND SCIENCE: ACTUAL RUSSIAN TASKS.....5

The analysis of the current state of science in Russia shows that it falls *behind* the majority of developed countries at all points and this gap is increasing every year. The Russian science is getting further from solving the economic tasks. This process has a negative impact on socio-economic development of the state. The analysis resulted in the conclusion of the necessity to change the state attitude towards science and *training of high-qualification* specialists.

E.A. Lisina, PhD, Orenburg State University, lecturer
THE BRAIN DRAIN PROBLEM IN THE CONTEXT OF CURRENT SOCIAL SITUATION.....21

The so-called brain drain phenomenon is still being one of the daunting problems of the Russian science. But today it is taking on more diverse forms including latent.

Business and society

M. V. Vilisov, PhD, Deputy General Director of Governance and Problem Analysis Center
STATE-ADMINISTRATIVE INSTRUMENTS FOR MOTIVATION THE PRIVATE CAPITAL INDEPENDENT DECISIONS ON BEHALF OF THE PUBLIC INTEREST.....30

The disbalances in Russian economy require the search of optimal means to influence the economic process in the conditions of market economy. According to the author, the "motivation method of economics administration" is such a measure that enables to establish a balance of interests between the state and society.

Social policy

A.A. Shulus, PhD, professor, Rector of the Academy of Labour and Social Relations
SOCIO-ECONOMIC FOUNDATIONS OF SOCIAL STATE.....51

While elaborating the strategic course for the state development it is not enough to rely on such parameters as inflation index, oil price, etc. All events must be viewed through the prism of the life quality of the socio-economic man. The author proves a number of socio-economic priorities considerably supplementing the concept of long-term modernization of Russia.

Regional policy

T.S. Litkina, PhD, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre UB RAS, senior staff scientist
SOCIAL ORDER AND EVERYDAY LIFE OF THE RURAL POPULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA.....58

The rural population of various regions faces different problems which require individual approaches to solve. In author's opinion it's worth searching for problem points in the sociocultural foundations of the daily rural life in contemporary conditions. It is precisely these factors that determine the «secret» of successful/unsuccessful life of rural inhabitants. To prove this suggestion the author conducts a comparative survey of rural life in the North and the South of post-Soviet Russia.

The origins of Russian culture

V.E. Bagdasaryan, Doct. Sci

LEGAL UNIVERSALS AND CIVILIZATIONAL SPECIFICS.....70

The legal regulation is the one of social administration mechanisms, but not the only. So the question naturally arises, how it correlates with other administrative mechanisms. What is its inner hierarchy? According to the author, this hierarchy could be different. And its differences depend on the historic-cultural type of the society.

International practice

A.P. Safronov, PhD, Social Research Fund (Moscow), expert

THE INNER CONTRADICTIONS OF THE SWEDISH WELFARE STATE MODEL.....72

During the last forty years many left-oriented politicians and economists in Western Europe have been arguing that the «Swedish path» is the most humane and gentle way of transition from the «wild» capitalism to «soft» democratic socialism. However, there are some flaws or system contradictions within the model which author analyzes.

Special rubric

A.N. Okara, PhD, director of the Eastern European Studies Center

IN THE SURROUNDINGS OF NEW CONSTANTINOPLE OR EASTERN CHRISTIAN CIVILIZATIONAL COMMUNITY FACING NEW WORLD ORDER.....80

The author undertakes a complex analysis of the peculiarities of Eastern Christian countries zone and makes an attempt to model options of prospective development in the conditions of the global socio-politic turbulence. In his opinion Eastern Christian civilization possesses the necessary prerequisites for generating its own universal world-building projects that may be demanded at both global and local levels.

NEW BOOKS.....97

CONTENTS.....98